

Я не сразу понял, что затея с музеем 60-х годов открыла нам дорогу в будущее. Нам неплохо было и в настоящем. Но со дня открытия музея мы стали как марафонцы, вышедшие на дальнюю дистанцию. На финише нас ждали следующие шестидесятые.

Сначала нам просто некуда было складывать старые вещи, которые приносили 1 мая ко дню рождения журнала «60-е!». На праздничной поляне в большом парке вместе с веселыми гостями, музыкальными инструментами, пакетами с провизией и мангалами появлялись винтажные радиолы, фотоаппараты, утюги и швейные машинки.

Открывался музей 60-х уже с порядочным набором экспонатов. Хотя если бы не азарт Базина, эти экспонаты так бы и превратились в хлам. Базин писал депутатам, Базин писал мэру и даже президенту, и все об одном: «Городу нужен музей 60-х!». Где-то его слышали, может даже чуть выше, чем можно

представить, и чиновники одного из районов города нашли помещение для музея.

— Базин, ты гений! — восторгался я. — Превратить виртуальный журнал о шестидесятих в живой уголок для хиппанов. Волшебство, старик!

— Это для тебя, чувак, — улыбался Базин и чуть выбрасывал руку вперед, делая невероятно красивый пасс опытного экстрасенса. — Возьми свет!

Все, что хоть как-то погружало в атмосферу шестидесятих годов, пошло в дело. Тряпки из Индии, стилизованные сувениры, посуда и одежда, ну и сами вещички того времени: на почетных местах стояли холодильник ЗИЛ, стиральная машина ЗВИ и автобусная касса. У входа на видном месте мы повесили карту Крыма. Она была старой, затертой на сгибах. На нее мало кто обращал внимания до того марта, когда полуостров отошел к России.

Теперь многие посетители замирали у карты и пускали слезу умиления.

— Повесили за полгода, как чувствовали, — вежливо говорили мы.

Пространство, занятое музеем в подвале кирпичного сталинского дома, у входящих вызывало разные эмоции. Пенсионеры погружались в ностальгию по советской квартире, ребята помоложе радовались прихиппованной атмосфере арамбольской кафешки, чудом попавшей в заснеженный двор.

Я дневал и ночевал в музее, устраивая небольшие акустические концерты, тематические вечера и ретроспективные кинопоказы. Такое то ли хобби, то ли развлечение занимало почти все время, и знакомым я говорил, что работаю арт-директором.

— Много зарабатываешь? — спрашивали меня.

— На хороший ужин хватает, — уклончиво говорил я.

Что, впрочем, было правдой, все деньги с входных билетов уходили на еду.

Так прошла зима и наступила весна, согревая кровь и веселя разум. По утрам меня посещали идеи, как еще лучше устроить дела в музее. В начале апреля я провел свой творческий вечер:

читал рассказы и брэнчал на гитаре, благосклонно принимая от друзей рюмки с коньяком. Чуть позже, ко Дню космонавтики, я состряпал игривую заметку, что скоро в музее заработает телепорт. Бросаешь монетку в телефон-автомат и вперед, ну или назад — ты в будущем или в прошлом на каком-нибудь грандиозном событии. На концерте Джими Хендрикса в Вудстоке, например. Главная мысль заметки была в том, что грядущие шестидесятые должны были воплотить все лучшие идеи и мечты предыдущих. Тогда-то уж точно не будет никаких войн и власти денег, только «peace and love», как в раю. Ну а мы, мол, с нашим музейным проектом — вроде мостика между шестидесятыми двух веков. Наш небольшой экскурс в прошедшие шестидесятые — это начало открытия грядущих, где все будет просто прекрасно. Такое вот ненавязчивое пророчество.

Заметка вторую неделю исправно получала «лайки» и «репосты», я довольный ходил по музею и время от времени отправлял двухкопеечную монетку в телефон-автомат, делая вид, что звоню в будущее, и трепался с предполагаемым абонентом о том о сем.

Вечером, закрыв музей и плотно поужинав, я привычным движением снял трубку и набрал 20-67.

— Привет, — весело сказал я. — Как там у нас дела в 2067-ом?

— Привет, Слава, — услышал я чей-то бодрый голос и остолбенел. — У нас нормально, а вот у тебя, так понимаю, не очень. Попал я случайно на твой творческий вечер. Это что за цирк был? Вряд ли ты меня вспомнишь... Хотя я и помогал тебе настраивать гитару. Гитара неплохая без бэ. Но что это такое, Слава? Ты таки умеешь играть, что настроенная гитара звучит как расстроенная. Шо такое? Баррэ тебе нужно подтянуть. Однозначно. И не зажиматься самому. Зажимаешься так, что нет сил смотреть. Теперь о том, как ты читаешь рассказы. Читать рассказы даже сложнее, чем петь. Их нужно проживать каждый раз заново. Ну как сказать по-простому...

— Ты меня еще поучи, как мне свои рассказы читать, — само собой вырвалось у меня.

— Ты их не должен прочитывать, — продолжал голос, — их нужно разыгрывать по ролям, по голосам. И ни в коем случае

не торопиться. Торопление суть халтуры и стремления отвалить. Рассказ, особенно прочитываемый, должен как губка, пропитанная кровью, течь жизнью...

— Чего ты несешь? Ты кто? — не выдержал я.

— Кстати, так и устаешь меньше, а в самом счастливом случае даже наоборот, подобно вампиру имеешь некий эмоциональный профит, — гнул свое собеседник. — И напоследок. Заканчивай страдать блажными аккордами. Побольше втыкай в свое музло и хватит молиться на иконы шестидесятых, а то никакой две тысячи шестьдесят седьмой не наступит.

— Эй, кто говорит?! — крикнул я в трубку.

— С вами говорит две тысячи сто шестьдесят седьмой, — услышал я женский приятный голос. — Продолжаю соединение. Добро пожаловать.

У меня застучало сердце где-то в горле, липкий туман застилал глаза и, покачнувшись, я ухватился за телефон.

— Нет, погодите, — прошептал я, решив, что у меня сердечный приступ, — не так быстро... я бы еще пожил...

Через сколько вернулось сознание, не знаю. Открыв глаза, я увидел, что вроде по-прежнему в музее... только лежу под телефоном, надо мной висит трубка. В открытое окно в сумерках с улицы доносились голоса идущих мимо людей.

— Выйду на свежий воздух, — вслух решил я, — подышу.

Во дворе я сразу понял, что попал в другое место. Стоял и ошалело вертел головой. Помимо привычно уходящих вверх домов, я видел внушительных размеров цилиндры, парившие высоко над крышами, за ними в небе проносились летающие объекты. Я не решился уходить далеко от двора и лишь выглянул за дом. Большой проспект обходился без автомобилей, по дороге, а вернее чуть над ней, быстро двигались прозрачные капсулы, в них люди в гладких блестящих костюмах. По тротуару шли прохожие, одни в таких же костюмах, менявших цвет, другие одеты более-менее привычно.

Я вернулся и присел на лавку. Из кустов вышел пушистый кот, больше похожий на тануки, и стал тереться о ногу.

— Где я? — спросил кота.

— В Барнауле, — услышал в ответ детский голос.

Вздвогнув, я заозирался и увидел, как из приоткрытого окна первого этажа на меня смотрел мальчик, взобравшийся на подоконник.

— Твой кот?

— Не-а, — помотал головой пацан.

— А год какой? — спросил я.

— Четвертый.

— На улице какой год?

— Весна, — сказал малец.

— Странно, был в Москве на улице Кржижановского в две тысячи четырнадцатом году, а оказался в Барнауле неизвестно в каком.

— Меня зовут Димка, мне три с половиной года, я живу в Барнауле на улице Володи Муллова, — проговорил мальчуган.

— О как, — удивился я. — Это что за времена настали?

Судя по болтливости пацана, неплохие.

Я нащупал телефон в кармане, вспомнив, что там есть автоматическая корректировка даты и времени. Осторожно достал и глянул. Восемь часов вечера, двадцать второе апреля, две тысячи сто шестьдесят седьмой год.

— О, Боже, — вырвалось у меня. — Не может быть!

Я вернулся к той двери, откуда вышел. Над входом красовалась неоновая вывеска «Teleport 60»s». Нервно дернув дверь, я почувствовал себя увереннее лишь, когда прошелся по музею и убедился, что там ничего не изменилось. Собрался с духом и снова вышел наружу. Уже почти стемнело, но дворы и тротуары были словно подсвечены мерцанием огромной стаи желто-зеленых светлячков, неторопливо порхавших вокруг пешеходов. Обойдя здание, я обнаружил заведение, с улицы выглядевшее как кафе, над входом вывеска «2067».

Оказавшись внутри, я принял самый непринужденный вид и спросил:

— Здравствуйте, это что у вас здесь, телепорт по соседству?

— Нет, — усмехнулся мужчина за стойкой, — это просто музей в стиле шестидесятых двадцатого века. Такие есть почти в каждом большом городе.

— А у вас тут что?

Мужчина внимательно посмотрел на меня, потом по сторонам.

— Это мое ретро-кафе, посвященное шестидесятым годам прошлого века. Видите, сколько здесь чудесного старья из тех времен. Может, это и покажется странным... А по мне, так лучшего времени и не было.

Молчание мое и заинтересованный вид, видимо, заставили мужчину продолжить.

— Мои родители познакомились в шестьдесят втором в мае, когда был совершен первый выход в космос за пределами Солнечной системы. Вся их молодость прошла под знаком событий тех лет. Сам я то время не помню, но от родителей впитал его дух.

— Простите, а сколько вам лет?

— Девяносто восемь.

Мужчина выглядел лет на сорок.

— Так значит, вы хозяин кафе? — я осматривался, не понимая назначения многих окружающих предметов.

Увидев на стене календарь на 2067 год, я непроизвольно отметил, что 1 мая приходится на воскресенье.

— Ага. В наше время, когда мало кто ведет свое дело, я, можно сказать, феномен. Сейчас интересуются прошлым ради развлечения. Настоящее — вот сияющий ларец с чудесами, не отпускает ни на миг. Уже трудно представить тех, кто видел мир свободным от чрезмерной информации. Человек выходил на улицу, не зная, где его ждет встреча, а вокруг не было ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни хлопостеров. Человек шел по улице и видел, по сути, другой мир.

— Вы не поверите, я видел, ведь я из ...

— Да поверю, — протестки сказал хозяин кафе, — я же был на твоём творческом вечере, Слава.

— А? Как!? Так, наверное, я с вами по телефону разговаривал?

— Да, со мной. Иосиф, — представился мужчина.

— Как же, вы еще говорили... мол, рассказы и песни... — вспоминал я. — Не понравились? А почему? Что, так себе?

— Если честно, не понял, ты их так читал, будто наживку за-

глатывал... Может и так себе. Но человек ты, Слава, судя всему, интересный.

— Как у вас получилось переместиться?

— Видимо, как и у тебя, сбросил две копейки в автомат и набрал нужный год. Я набирал год рождения отца.

— Говорите, что это просто музей, а сами телепортнулись оттуда в наше время.

— Совершенно случайно... Никто об этом не знает. Я искал интерактивную скатерть образца две тысячи шестьдесят седьмого года для своего кафе, и наткнулся на статью о первых телепортах, там и прочитал, что еще в начале двадцать первого века один из них установили в музее 60-х. А он у меня как раз под боком.

— Надо же... И я что-то подобное читал и тоже случайно к вам, дак еще промахнулся на сто лет.

— И со мной та же история, — кивнул Иосиф, — отец родился в 2034 году, а я попал к тебе в 2014. Что ж, будем считать, пока это просто музей с телепортом на везение. Ха-ха!

— Будем, — согласился я. — У вас есть что-нибудь попить?

— Я потом еще раз пробовал. Набирал 20-67. Ничего не получилось. Так ведь и до сих пор наши официальные телепортационные каналы перемещают лишь неодушевленные материи, телепортация людей и животных строго запрещена, результат непредсказуем, так что ты не болтай об этом, — говорил хозяин кафе, наливая что-то в большую круглую кружку, похожую на супницу. Чуть охладил ее в морозилке и подал.

— Что это?

— Коктейль называется «Сок Бетельгейзе». Это пили в 2067 году.

— А сейчас что пьют?

— Даже и не спрашивай.

— Простите, Иосиф, но буду спрашивать. Все-таки я на сто пятьдесят лет вперед попал.

— Дело житейское, — махнул рукой хозяин кафе. — Слышал я, что у нас тут одного киберактивиста случайно занесло в две тысячи трехсотый.

— И что там?

— Почти то же самое, всюду биолюди и активно заселяемый космос.

— Брр, — потряс я головой, — лучше расскажите про сейчас. Как тут люди живут, чем зарабатывают и расплачиваются в кафе?

— Импульсивные и электронные деньги еще никто не отменял, — отозвался хозяин. — Но по сравнению с две тысячи шестьдесят седьмым с ними стало еще проще. Раз в пять лет проходишь салюс-тест и получаешь пособие, если не злоупотреблял едой и стимуляторами. Сейчас все управленцы и интуитивные люди, поддерживающие режим общей позитивной вибрации, живут за городом натуральным хозяйством. Пособия нам выделяются на покупку того, что не можем воспроизвести или обменять сами. Образование, транспорт и медицина у нас бесплатные.

— А живут сейчас сколько?

— В среднем 120-140 лет. Одни живут в гармонии с природой, другие за счет технологий, позволяющих ежедневно считывать малейшие изменения в организме. Работы, которые ухудшают здоровье, механизированы. Да и вообще, осталось очень мало работ, требующих присутствия человека.

— Но кто-то все-таки работает еще?

— Работают. Те, кого призвали, и кому очень хочется. А это в большинстве те, кто хотят отправиться в космическое путешествие. Все работы в основном связаны с управлением и обслуживанием универсальных систем жизнеобеспечения

— А космическое путешествие это дорого?

— Очень дорого, нам с тобой не по карману. Нужно отработать несколько лет, и не за стойкой бара. Но среди людей желающих немного. Больше биолюди хотят...

— Кто?

— Биолюди.

— Это такие биороботы?

— Биороботы хороши были в две тысячи шестьдесят седьмом, у них не было чувств и прав. А сейчас, через сто лет, биолюди имеют те же чувства, что и мы люди, и такие же права.

— Кто же здесь всем этим заправляет?

— Те, кто заправлял, и заправляют. После того, как в конце девяностых прошлого века границы между государствами пришлось отменить, наш мир ускорился в развитии. В две тысячи сто восемнадцатом году объединили технологии. Позже, в двадцатых и тридцатых годах, были всеобщие глобальные движения против любых видов агрессии. Теперь за этим следят общественные выборные организации на местах. С того времени у нас не было ни одной войны или вооруженного конфликта. Конечно, технологии развиваются в несколько раз быстрее, чем мы, люди, и сейчас такие дела творятся, что, честно говоря, я и не в курсе всего.

— Люди-то вживую общаются между собой? Или сидят по своим загородным фазендам и наслаждаются комфортной жизнью?

— Да кто как. Мысли, идеи и предметы давно передаются на расстоянии, но без живого общения мир стал бы просто бездушной каруселью. Кто это понимает, что-то делает для других, я вот открыл свое кафе. В две тысячи шестидесятых было очень удобно общаться на расстоянии через встроенные и вживленные чипы, но люди активно пользовались этим, чтобы обустроить жизнь вокруг к лучшему. Столько было чудесных идей и открытий. Потом это как-то стало продаваться, перешло в сферу обогащения, да и жизнь поменялась, несколько природных катастроф, не до общения было, выживали кто как мог... А сейчас есть специальные организации, поощряющие людей общаться вживую. Тут рядом еще музей, два театра, спортивная площадка с секцией талласа-йоги, куда я хожу.

— А музыка? Как ...

— Музыка! О, это мое все. То ли дело было в две тысячи шестьдесят седьмом! — перебивая, оживился хозяин кафе. — Представь, тогда в ходу были правильно составленные музыкальные сборники на все случаи жизни. Помню, у моего отца, как раз работавшего в институте сонористики, было несколько таких: для ускоренной ходьбы, для укрепления памяти и сердца, в помощь садоводам, для приготовления праздничной трапезы, еще какие-то. Люди всегда чувствовали, что музыка важнее технологий. Да что и говорить, без музыки просто нет жизни, и ты, я так понял, с этим согласен.

Я лишь кивнул головой, вслушиваясь в каждое слово. Хозяину кафе явно нравилось мое внимание.

— Сейчас с музыкой тоже неплохо. Слушают, играют и классическую, и то, с чего начинался рок-н-ролл, и апокалиптик конца девяностых прошлого века, сейчас вот популярен ритм-муви-кроп. Мне он так себе, не трогает. Слушаешь, и кажется, исчезает из музыки что-то самое волшебное. Хотя есть и достойные коллективы... «Капут мортуум» или наши сибирские «Эл бутерброды» реальные звезды. Вот, послушай!

Иосиф прибавил громкости чуть слышно игравшей все это время музыки, бар наполнился интересным звучанием и словами — как если бы объединились группы «Кино» и «Velvet Underground», чтобы расширенным составом играть даб вперемешку с блюзом, напевая на всех языках мира через пять микрофонов, спрятанных в одеяле.

— Ну и дела, — лишь сказал я.

Слушали довольно долго. Я попивал свой коктейль, а Иосиф, закрыв глаза, мечтательно покачивал головой. Наконец, видимо, вспомнив обо мне, он убавил звук.

— Это как раз «Эл бутерброды», у них похожее звучание на шестидесятые... А вот постеры моих любимых музыкантов, — указал Иосиф на стену, завешанную плакатами.

Я внимательно их изучил.

— Да это же Джими Хендрикс! — вдруг узнал я.

— Почти, но не он, — сказал Иосиф, довольный эффектом, произведенным от плаката, на котором чернокожий парень в экстазе терзал электрогитару. — А история очень интересная. Сто лет назад появлялись музыканты, которые внешне походили на первых рок-звезд, делали похожую музыку и говорили, что переродились из тех шестидесятых.

— Да ладно. Шутишь! Кто же в это поверит?

— Я.

— Они сами тебе это сказали? Больше похоже на какой-то рекламный трюк.

— Ну, я тоже сначала так думал, но об этом много писали, даже книга выходила «Музыка на все времена или вперед в шестидесятые». А почему нет, время было грандиозное.

— Да я уже понял, — не стал спорить я, рассматривая в окно, как двое парней в привычной одежде прошли мимо о чем-то разговаривая, люди как люди. — Прямо не знаю, о чем еще спросить.

— Слава, я же слышал твои песни и рассказы, знаю, чем тебя удивить, — подмигнул Иосиф. — Телепорт к морю. А, что скажешь?

— Да ну... Где?

— Везде, где моря нет.

— Это как?! Что, прямо сейчас могу переместиться к морю?

— Проще простого. Правда, это такое внутреннее море, на картах его нет. В общем, надо увидеть и почувствовать. Поблизости несколько вывесок «Море Тут», уверенно входи, это бесплатно. Лучшее средство поправить тело и дух.

— В здоровом теле здоровый дух, на самом деле одно из двух, — напел я песню Володи Муллова.

— Типа того, — усмехнулся хозяин кафе.

— Надо посетить, — согласился я, — раз для всех и бесплатно.

— Да, не пожалеешь. Прекрасное средство от хандры, поверь.

— Верю. А что люди до сих пор хандрят?

— Конечно, бывает. Потому что хотят того же, что и двести лет назад. Большого.

— Это понятно. А биолюди чего хотят?

— У них те же желания, они очень предсказуемы.

— А зачем их понаделали?

— В 2090-х годах было несколько жутких природных катастроф, что-то типа всемирного потопа. Но у нас в Сибири более-менее обошлось, а Европу и Америку основательно затопило. К счастью, удалось сохранить мировые технологии, но людей так сильно поубавилось, что после восемнадцатого года, когда знания объединили, пришлось ввести искусственную расу биолюдей.

— Они еще не претендуют на мировое господство?

— Милейшие существа получились, как дети. Им все интересно, не знают усталости. Они в основном и отправляются в космические путешествия, срок их жизни, по идее, не огра-

ничен. Пока еще не зафиксировано ни одного естественного случая смерти биочеловека. Только несчастные случаи. От них никто и никогда не застрахован. Говорят, есть технологии, позволяющие и нас, людей, в конце жизни переделывать в биологидей.

— Вы как к этому относитесь?

— С интересом. Лично я не прочь лет через сорок взглянуть на мир глазами биочеловека. Мик Джагер же смотрит.

— Вау! Что ж, раз тут у вас так все более-менее позитивно, может прогуляться, глянуть на город, на жителей и на море заодно.

— Прогуляйся.

— А далеко отсюда Ленинский проспект?

— Какой? А, наверное, тот, что уже лет сто как Московский. Рядом, и тянется до Чуйского тракта. Но ты без силового костюма на проспект не суйся. Опасно.

— Ага, видел капсулы, люди в блестящих костюмах. Быстро так перемещаются. Автомобилей вообще нет?

— Автомобили вне города. По городу разрешено только в мобильных капсулах и силовых костюмах. Дороги, они же теперь силовые, на магнитных полях. Перемещаемся, Слава, за счет солнечной и космической энергии. А так — ходи, где хочешь, есть на что посмотреть.

— Старый город остался?

— Полная реконструкция до пожара 1917 года, включая мельницу и пароходные конторы. Сейчас на речном вокзале стоит восстановленный двухпалубный колесный пароход «Кормилец». Совершает прогулочные плавания из Томска в Бийск. Кстати, его восстановление началось в 2067 году.

— Надо посмотреть.

— Обязательно, там приятно, туристическая зона.

Тут в кафе вошел кот. Тот самый, похожий на тануки.

— Привет, Марк, — сказал ему хозяин.

— Мяу, — сказал Марк, облизался и добавил, — мяу-мяу-мя.

— Да, денек и вправду хороший.

— Вы его понимаете?! — поинтересовался я, не скрывая удивления.

— Вот, — отгибая воротник, сказал хозяин. — Чип образца две тысячи шестьдесят седьмого года. Помощник при общении с домашними животными. Вещь! Сейчас с ними даже и не разговаривают, а просто подают сигналы. Ты, кстати, Марка возьми с собой на прогулку, он и дорогу покажет. Один можешь заплутать, город теперь трехуровневый.

— Прогуляемся, Марк, — предложил я коту.

— Мяу.

— Я так понимаю, он согласился.

— Точно, — кивнул хозяин.

— Иосиф, может, на время прогулки одолжите свой чип-помощник для разговора с котами.

— Пожалуй, — нехотя согласился хозяин кафе и прицепил чип к моему воротнику и еще что-то к уху. — Такие теперь трудно найти... Не потеряй.

Я сделал еще глоток из кружки. В голове заиграло и запело что-то типа «Рандеву на Бетельгейзе».

— А веселит коктейль, спасибо, — сказал я, чтоб хоть как-то подбодрить хозяина кафе, выглядевшего уныло после расставания с чипом.

— Ага, вещь... Для головы самое то. В две тысячи шестьдесят седьмом знали, что делали.

— Вот возьмите насовсем, сотовый телефон образца начала двадцать первого века... Так себе вещица.

— Ну-ка, — заинтересовался хозяин кафе.

— Пошли, Марк, прошвырнемся по вечернему городу, в котором я не был сто пятьдесят с лишним лет.

И я вышел вместе с котом на улицу. Марк выглядел уверенно, его пушистый хвост стоял торчком и доходил мне почти до пояса. Озираясь по сторонам, я понял, что голова моя идет кругом. Причиной тому яркие огни, странные картины видов города, лица прохожих и непрерывное быстрое движение повсюду. Чтоб немного отвлечься, я спросил у Марка:

— Куда ходим первым делом?

— Перекусим, — услышал я.

— Что-то особенное? Но мне нечем расплатиться.

— Здесь рядом автомат с едой, бесплатный для гостей города,

просканирует твои отпечатки пальцев, станет ясно, что ты не отсюда, получишь отличный паек, там вкусные рыбные котлеты.

— Любишь рыбные котлеты?

— Попробуешь, сам полюбишь.

— А эти, в блестящих костюмах, биолюди?

— Да, в основном.

— Биокотов еще не делают? — спросил я, решив проверить кошачье чувство юмора.

— Если биомышь еще в твоё время появилась, то про котов сам как думаешь?

— Да чего тут думать, дело ясное... Слушай, Марк, — решил я перевести разговор, — а чего бы спросить у биочеловека, чтоб за дурака не приняли? Хочется с кем-нибудь из них поговорить.

— Вообще теперь редко кто-то кого-то о чем-то на улице спрашивает. Хотя если очень хочется, то и спрашивай, что хочешь.

— Ладно, понял...

— Пришли, — сказал Марк.

— Куда?

— Вот пищевой автомат для гостей города, коснись его и вставляй руку в отверстие.

Мы стояли у блестящей тумбы с надписью «УГОЩЕНИЕ». Я коснулся ее, плавно сдвинулась передняя панель. Осторожно засунув руку в отверстие, через мгновение я почувствовал в ней что-то теплое. Это был бумажный пакет с едой.

— Давай еще раз так сделай, — сказал Марк.

— А можно еще?

— Да сколько хочешь можно.

Я повторил.

— А вкусно, — согласился я, жуя нечто плоское, названное рыбной котлетой.

Я непрерывно вертел головой и увидел через дорогу вывеску «МОРЕ ТУТ».

— Позже зайдешь, — сказал Марк, поняв, куда я нацелился.

— Сначала старый город.

— И библиотека.

— Зачем тебе туда?

— Я там в начале двадцать первого века кольцо всевластия потерял, может сегодня найду, — пошутил я.

— Да мы с приятелем уже его нашли, — расплылся кот чеширской улыбкой.

— Смешно. А что это за цилиндры там высоко над крышами?

— Фильтр агрессии универсальный, ФАУ.

— Круто. Как работает?

— Работает, и хорошо.

— Понятно. А хлопостер что такое?

— Такая штука обновляет и воспроизводит элементарные частицы во что-нибудь нужное.

— Это как?

— Ну вот ты мастеришь что-то, и у тебя ломается инструмент. Правильно загрузив информацию в хлопостер, ты получишь новый инструмент. Вообще он называется просто «Прибор ОН», то есть общего назначения, самые популярные модификации ОН-22 и ОН-М22, хлопостером его прозвали из-за характерного хлопающего звука при работе на максимальной скорости.

Гуляя по старому городу, я поймал себя на том, что больше рассматриваю прохожих, чем реконструкции зданий и всякие необычные штуки. Один из ребят в блестящих костюмах глядел на пароход «Кормилец», мне очень хотелось увидеть на его лице хоть какие-нибудь эмоции, но не получалось. Кто бы он ни был, биочеловек или обычный, мой интерес только нарастал, и я спросил:

— Вы бы хотели попасть в прошлое и остаться там?

Он ничего не ответил, только зыркнул мне в глаза и стало ясно, он уже пережил трагедию вместе с пассажирами тонущего судна, заодно осознав, как со временем мелкое и сорное исчезало в человеке, а великое и прекрасное оставалось неизменным. И, похоже, теперь этот парень знал, что жизнь — это пригоршня праха, а также кто я и откуда.

— Ну что, теперь взглянул на жизнь по-другому? — услышал я за спиной.

Я вздрогнул, обернулся, думая, что обращаются ко мне, и увидел Марка, разговаривающего с собакой.

— Вряд ли, — сказал пес, — мне что эта жизнь, что другая.

— Поэтому ты и собака, — проговорил Марк.

Я проникся к нему уважением.

Рядом была еще одна вывеска «*МОРЕ ТУТ*», и я решил заглянуть туда, пока звери обсуждают жизнь. Толкнув переливавшуюся от голубого до перламутрового дверь, сразу бесшумно закрывшуюся за мной, я сделал несколько шагов вперед и ощутил запах моря. И тут же услышал шум волн, увидел яркий, но приятный свет, отблескивающего на воде солнца. С каждым шагом и вдохом ритм жизни во мне менялся. Не понимая, как долго купаюсь, загораю и гуляю вдоль неизвестно откуда взявшегося моря, собирая причудливые ракушки, я лишь чувствовал, что восторг по-настоящему стал природой моей души. Я одинаково любил прошлое и будущее, животных и людей, и даже биологидей. Как вышел обратно, я тоже не помнил, перед глазами еще было море.

— Как ощущения? — услышал я.

Марк в одиночестве сидел у стены и вылизывал усы.

— Прекрасно, — сказал я. — Там что, автоматическое возвращение?

— Да, море само выбирает каждому свой режим. По внешнему таймеру ты там находился тридцать восемь минут.

— Непонятно, как это работает... А где твой дружок?

Марк ничего не ответил.

— Ну что, глянем на библиотеку, да и пора, кажется, обратно в свое время. А то я тут еще остаться захочу. Море все-таки да и хлопостер — вещь нужная...

Библиотека походила на большую трехмерную электронную книгу с эскалаторами внутри. Когда-то я работал в библиотеке сторожем и много времени провел за размышлениями о том, что ждет нас в будущем, и вот теперь, имея ответ, захотелось замкнуть круг. Судя по обстановке, все было до предела автоматизировано. Внутри ни души.

— Сюда люди-то ходят? — проговорил я.

— Наверное... я здесь не бываю. Спроси у Иосифа, он ходит сюда на семинары и лекции.

— Значит здесь не всегда так пустынно?

— Не всегда.

Я обошел вокруг здания из стекла и металла, выглядевшего, как огромный новенький аквариум для гигантских космических рыб. Посмотрел на свое отражение, на башенки непонятного назначения, на бегущую строку, приглашавшую в среду на семинар «XXII век — время добрых дел», и мы вернулись.

— Нагулялись? Чип цел? — только я переступил порог, спросил хозяин кафе.

— На месте, — сказал я, возвращая чип. — И правда, ценная вещь. Столько всего узнал...

— Рад был помочь. Значит, полон впечатлений?

— Ага. Интуиция подсказывает, надо возвращаться. Кстати, Иосиф, хотел спросить... Чего вдруг вы решили мне высказать за творческий вечер?

— Э, да я, — замялся хозяин, — сам пишу роман о ...

— О две тысячи шестьдесят седьмом, — догадался я.

— Точно. Но пока получается так себе, трудно выразить все осмысленное... Да и у тебя вроде в этом направлении дела не очень.

— С чего это?

— Так показалось.

— Не, нормально, и печатают понемногу. А у вас тут с этим как? Заходил в библиотеку, ни души. Вся блестит, светится, как начищенный хлопостер.

— Как же иначе, прогресс, — усмехнулся Иосиф. — За книгами ходят в основном повернутые на прошлом оригиналы, старички да биолюди. Сейчас в моде голографические книги. Их можно осязать пальцами, они даже имеют запах книг, шелестят страницами. Красиво и удобно, в любом месте они при тебе, читай, сколько хочешь. Появились чипы, ускоряющие чтение, за день «Войну и мир» можно осилить.

— Мне бы такой.

— Библиотека сейчас вроде памятника самой себе, огромное хранилище аналоговой информации, и еще внутри музей «Библиотека». А сто лет назад там находился, наверное, лучший центр знаний в Сибири.

— Лучший?

— Поверь, Слава, в две тысячи шестьдесят седьмом там был сплошной праздник жизни.

Веря каждому слову, я кивал.

— Тогда моя мама работала в библиотеке. Я у нее еще был только в планах, но по рассказам и фотографиям знаю многое. В две тысячи шестьдесят седьмом под крышей открыли хостел для студентов и молодых научных работников. Ночью жизнь не замирала, писались научные работы, люди встречались, что-то обсуждали. Там же можно было и поужинать, и позавтракать. Очень уютное кафе, я его застал, и хорошо помню, как одна стена была движущаяся книжная полка, бери и читай что приглянется.

Я неожиданно зевнул.

— А хочешь отдохнуть, — продолжал Иосиф, — пожалуйста, на нижних этажах в оранжереях стояли такие кровати-капсулы. Мамарассказывала, что маленьким я очень любил в них прятаться. Внутри настраивался режим и можно было оказаться в какой хочешь стране, книге или эпохе. Мое детство пришлось на другое десятилетие, но дух шестидесятых во мне.

— И что это был за дух?

— Дух настоящей свободы и любви. То чего так не хватает.

— Прямо рай. Куда же он делся?

— Потом пришло другое время, кризис восьмидесятых и девяностых из-за солнечной активности, многие даже разучились грамотно писать... Хотя, как говорил мой любимый писатель Мак Макроу, 2067 год был Эдемом, который до сих пор с нами.

— Да, прекрасно жили в шестидесятые, — вздохнул я, проникшись настроением хозяина кафе. — Жаль, пора прощаться, Иосиф. Вряд ли мы еще встретимся, но кто знает. Так что, до свидания...

— Пока, — кивнул хозяин. — Завидую я тебе, Слава.

— В чем?

— У тебя есть шанс дожить до две тысячи шестьдесят седьмого. Увидеть все как есть.

— Да уж, шанс есть. По крайней мере, если дотяну до шестьдесят первого, то не буду, как старина Хэм, пускать себе пулю в голову от невозможности написать что-то новое.

— Продержись.

— Хм, ну вам тут несложно узнать продержался я или нет.

Хозяин недовольно покачал головой.

— Ладно, не узнавайте. А чего вы там про кумиров шестидесятых по телефону плели?

— Да так, психанул малость... Мне кажется, что лучше две тысячи шестьдесят седьмого времени не было.

— Понятно. Может быть, поглядим. Вот вроде и выяснили все. Пойду.

— Давай.

Я попрощался с Марком и вернулся в музей. Покрутил кружок, набирая 20-14. Впустую. Тогда я прилег на знакомый венгерский диванчик образца 1964 года и, чувствуя усталость во всем теле, быстро заснул.

Проснулся я от бешеного стука в дверь и, вскочив, бросился открывать. На пороге стояли Базин и моя подруга.

— Что с тобой, Славка? Ты живой?!

Я молча смотрел на них, не понимая еще, где нахожусь.

— Славик, ты как?! Как себя чувствуешь?! Ты спал? Я стучу уже больше часа и звоню! Вот Базина вызвала, чтоб открыл, а у тебя с той стороны закрыто. Что случилось? — наседала подруга. — Ты чего молчишь? Ты где был?

— В две тысячи сто шестьдесят седьмом, — еле выговорил я, — телефон я там оставил.

— О, куда занесло! И как там? — спросил Базин.

— Почти полный пис энд лав. По крайней мере, у котов и собак точно.

— Поздравляю. А мы тебе поесть принесли.

— Да я вроде не голодный.

— На, подкрепись.

И они выставили на стол бутылку вина и шаверму.

— Хватит, не хочу, — сказал я.

— Чего так? — удивился Базин.

— С две тысячи шестьдесят седьмого пьют другие напитки.

— Какие?

— Узнаешь, поди, вот вам подарки из Барнаула две тысячи сто шестьдесят седьмого года, — сказал я и выложил на стол

пару ракушек каури, которые сжимал в ладони. — Пойдемте лучше прогуляемся, ноги разомнем да голову проветрим.

— По дороге, может, еще чего расскажешь, — задумчиво произнес Базин, укладывая болтавшуюся трубку на рычажок.

— Ага, — кивнул я, — расскажу.

Мы вышли во двор. На лавке у подъезда сидел кот, вылитая копия того, что был в баре «2067».

— Ну вот, — сказал я, — и ты здесь, тануки.

— Мяу, — ответил кот.

— Вы знакомы? — спросила подруга.

— Теперь да. Этот пушистый типчик ходит из прошлого в будущее и обратно, как из комнаты в комнату.

— Мяу-мя, — поддержал кот.

— Пошли гулять, — позвал я.

И мы вчетвером отправились гулять.